

СОВЕТСКО-ТУРЕЦКИЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ГЕРМАНСКОЙ ЭКСПАНСИИ НА БАЛКАНАХ (ДЕКАБРЬ 1940 – ИЮНЬ 1941 г.)

В советско-турецких отношениях указанный выше период до сих пор не был в достаточной мере изучен в отечественной и зарубежной историографии. В общей канве событий этого периода, ознаменовавшегося продвижением гитлеровской Германии на Балканах, остались практически незамеченными попытки Турции подтолкнуть советское руководство к расширению взаимных советско-турецких обязательств. Благодаря опубликованию записей бесед советских и турецких дипломатических представителей в сборнике “Документы внешней политики”¹ появилась возможность проанализировать сложный диалог, который вели Турция, пытавшаяся обезопасить себя в условиях приближавшейся к ее границам германской угрозы, и Советский Союз, который вплоть до дня нападения Германии на СССР избегал каких-либо провоцирующих Берлин действий.

Прежде, чем приступить к реализации плана “Барбаросса”, то есть к нападению на СССР, руководство гитлеровской Германии решило обеспечить себе южный фланг будущей войны, подчинив себе страны Балканского полуострова. Тем более, что кроме важного стратегического значения балканские страны рассматривались как важные источники сырья для германской экономики: нефти, руды, цветных металлов, сельскохозяйственной продукции и т.д.

В свою очередь Советский Союз предпринял попытку усилить свои позиции на Балканах посредством подписания пакта взаимопомощи с Болгарией. 25 ноября 1940 г. генеральный секретарь Дунайской комиссии Соболев вручил министру иностранных дел Болгарии предложения Советского Союза поддержать притязания Болгарии в Западной Фракии и помочь ей в случае угрозы или нападения на нее третьей страны. В ответ Болгарии предлагалось дать обязательство оказать помощь Советскому Союзу в случае реальной угрозы его интересам в Черном море и проливах. Однако болгарское правительство заявило, что Болгария не намерена отстаивать свои национальные интересы в Западной Фракии силой оружия. Поблагодарив за сведения относительно намерений Турции оказать вооруженное сопротивление проникновению Болгарии на юг, болгарское правительство выразило убежденность в том, что эти намерения не представляют непосредственной опасности, т. к. болгары не собираются идти на юг при помощи оружия. Кроме того, турки дали болгарам самые категорические заверения, что военные приготовления во Фракии имеют только оборонительный характер. В случае же подписания пакта взаимопомощи между Советским Союзом и Болгарией, по мнению болгарской стороны, опасность столкновения возросла бы, поскольку турки остались бы при убеждении, что он направлен против них². Таким образом, болгарское правительство отклонило предложение СССР заключить пакт взаимопомощи.

Турция знала о миссии Соболева в Софию. Официально реакция турецкого правительства была благожелательной. Как сообщил 6 декабря 1940 г. посол Турции в СССР А. Г. Актай в беседе с заместителем наркома иностранных дел А.Я. Вышинским, турецкое правительство считало, что под влиянием советского правительства “Болгария, недавно еще призывавшая к войне, успокоилась и сохраняет свой нейтралитет”³. Актай сообщил также о желании турецкого правительства развивать коммерческие отношения между Турцией и Советским Союзом и его готовности приступить к обсуждению вопроса о том, какие товары может поставлять Советскому Союзу Турция и какие товары она хотела бы получить от СССР.

Вопрос о Болгарии обсуждался и во время встречи Актая с наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым 10 декабря. Молотов сказал, что у него было “такое впечатление, что не исключено нападение на Болгарию со стороны Турции”. Актай заявил, что турецкое правительство никогда не рассматривало вопроса о нападении Турции на Болгарию, отметив при этом, что турецкое правительство, напротив, могло констатировать многочисленные признаки, говорившие об опасности нападения на Турцию со стороны Болгарии. (В этих условиях предложение СССР заключить союз о взаимопомощи с Болгарией можно было интерпретировать как подталкивание Болгарии к нападению на Турцию во имя советских интересов в проливах – Н.Г.). Однако Актай также сообщил, что в последнее время напряжение в турецко-болгарских отношениях разрядилось, и правительства Турции и Болгарии обмениваются мнениями о возможности развеять неуверенность в отношениях. Кроме того, посол заявил, что турецкое правительство не предпримет никакой акции, в особенности на Балканах и в районе Черного моря, не имея на то согласия со стороны советского правительства⁴.

¹ Документы внешней политики: В 23 т. Т23. Кн. 2. 1 ноября 1940 г. 22 июня 1941 г. М.: Международные отношения, 1998. 896 с.

² Там же. С. 159.

³ Там же. С. 172.

⁴ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 177.

Информация о предложении заключить пакт взаимопомощи, сделанном советским правительством Болгарии, вызвала у турецкого правительства вопрос, почему Турции не сообщили о начале этих переговоров, хотя в статье 2 советско-турецкого протокола 1929 года указывается, что каждая из сторон обязуется не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, непосредственно граничащими на суше или на море с другой стороной, и не заключать таких соглашений без согласия другой стороны. Молотов ответил, что представитель НКВД Соболев лишь запросил болгарское правительство: если Болгария нуждается в гарантиях и хочет их получить от Германии и Италии, то не лучше ли получить эти гарантии от СССР. Наркоминдел заявил, что Советский Союз не ведет с Болгарией никаких переговоров и не передавал ей какого-либо проекта соглашения; таким образом, все это не имеет отношения к статье 2 упомянутого протокола⁵.

В свою очередь, турецкое правительство, несмотря на то, что оно не было обязано ставить Советский Союз в известность о переговорах с Болгарией, пообещало широко информировать советское правительство по этим вопросам. Однако на деле министр иностранных дел Турции Сараджоглу давал уклончивые ответы на вопросы советского полпреда о переговорах между Турцией и Болгарией⁶.

Информируя Молотова о ходе болгаро-турецких переговоров, Актай, в частности, сказал, что турецкое правительство сообщило о готовности обсудить с болгарским правительством заключение локального соглашения, направленного к предотвращению вовлечения в войну. Кроме того, турецкое правительство выражало уверенность в том, что укрепление на Балканах какой бы то ни было великой державы было бы нежелательно и опасно для независимости балканских государств. По поводу последнего Молотов отметил, что на Балканах уже происходит укрепление великих держав, и спросил, против укрепления какой великой державы направлен проект турецко-болгарского соглашения. Актай ответил, что, будучи подписанным, это соглашение не было бы направлено против той или иной державы и лишь предотвращало бы превращение Болгарии или Турции в инструмент великой державы, желающей вовлечения этих стран в войну. Посол сказал, что у него создалось впечатление, что Молотов плохо встретил турецкое предложение о чисто оборонительном соглашении с Болгарией. Но Молотов ответил, что он еще никакого отношения к данному вопросу не выражал⁷.

По просьбе Молотова Актай сообщил также о содержании бесед германского посла в Анкаре фон Папена с Сараджоглу и президентом Турецкой Республики. В частности, Папен, по словам Актая, заявил, что “в Германии полагают, что отношения между СССР и Турцией не являются хорошими, и если будут улучшены отношения между Турцией и Германией, то германское правительство сделает необходимое для улучшения советско-турецких отношений”. Папен, по словам Актая, получил категорический ответ турецкого правительства о том, что отношения между СССР и Турцией являются и будут являться нормальными и дружественными и что нет нужды в посредничестве между Турцией и СССР⁸.

Турецкое правительство было очень обеспокоено тем, стоял ли на берлинских переговорах вопрос о Турции. Информация по этому вопросу, которая была получена от Молотова и Деканозова, не удовлетворяла турецкое правительство, и 17 декабря Сараджоглу попросил информировать его более подробно⁹.

19 декабря 1940 г. полномочный представитель СССР в Турции Виноградов спросил Сараджоглу, подтверждает ли министр официальное заявление, сделанное Актаем 10 декабря о том, что правительство Турции не предпримет никакой акции, в особенности на Балканах и в районе Черного моря, не имея на то согласия со стороны советского правительства. Сараджоглу “после довольно долгих размышлений” сказал, что Турция не собирается предпринимать ни политических, ни экономических акций в районе Черного моря и на Балканах и “Актай правильно отразил наши чувства”, однако не согласился дать официальное подтверждение без консультации с премьер-министром. Сараджоглу предположил, что “турецкое правительство также пожелает услышать от советского правительства подобную декларацию в порядке взаимности”¹⁰.

После девятнадцатидневного раздумья Сараджоглу вызвал Виноградова к себе, чтобы сообщить ему ответ турецкого правительства. Слова министра свидетельствовали о том, что Турция хотела бы истолковать советское обращение за подтверждением заявления Актая как желание СССР расширить отношения с Турцией и объявляла себя готовой “изучить благожелательно все предложения, если они будут сделаны в целях этого расширения, основанного на взаимных условиях”. Таким образом, в словах Сараджоглу не было прямого ответа на вопрос советского правительства. После того, как Виноградов дважды спросил Сараджоглу, был ли турецкий посол уполномочен делать официальное заявление от имени правительства, министр ответил, что нет, но его заявление полностью соответствует действительности.

⁵ Там же. С. 199.

⁶ Там же. С. 194 – 195.

⁷ Там же. С. 196 – 197.

⁸ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 198.

⁹ Там же. С. 201.

¹⁰ Там же. С. 215.

Сараджоглу подчеркнул, что если это заявление рассматривать как обязательство, то нужно, чтобы оно было взаимным. В результате беседы Виноградов пришел к выводу, что Сараджоглу все же давал директиву Актаю сделать подобное заявление от имени турецкого правительства. С точки зрения полпреда, министр рассчитывал, что “советское правительство, заинтересованное, по его мнению, в получении от турецкого правительства официального заявления подобного рода, даст согласие на начало каких-то переговоров, отправной точкой которых явилось бы обсуждение подобного обязательства, но на основе взаимности”. Однако Виноградов считал, что турецкое правительство “не проявляет пока действительного намерения изменить свои отношения с нашей страной”¹¹. Таким образом, попытка Турции начать новые переговоры с СССР не удалась. Однако турецкая попытка их инициировать была, очевидно, определенной реакцией Турции на советские предложения, сделанные Болгарии. Турция стремилась снова показать, что она считает советско-турецкие отношения хорошими, но, при согласии со стороны СССР, готова работать над их дальнейшим улучшением.

По мере обострения обстановки на Балканах, когда в январе 1941 г. в Румынии были сконцентрированы немецкие войска, турецкие представители начали постоянно предупреждать советских руководителей о том, что Германия вскоре может начать наступление на Советский Союз. Временный поверенный в делах Турецкой Республики в Германии Ф.Алкенд 13 января 1941 г. говорил полпреду СССР в Берлине Деканозову, что “Советский Союз не может оставаться пассивным в случае занятия Германией Балкан, так как за занятием Балкан последует занятие Турции, а за Турцией может последовать и Россия”. Алкенд выразил надежду, что “если Турции будет угрожать опасность, Советский Союз не будет безразличен”¹². Однако Германия сразу же стремилась нейтрализовать подобные идеи, заявляя, что не откроет военных действий против Турции, если последняя к этому ее не принудит, причем германское правительство выражало уверенность в том, что нападения на нее со стороны Турции не произойдет¹³.

В работах советских историков высказывается мнение, что “турецкое правительство, несмотря на всевозможные ухищрения противников советско-турецкого сближения, в целом понимало, что в лице Советского Союза оно может найти союзника по пресечению гитлеровской агрессии на Балканах”. В качестве подтверждения приводятся следующие факты: Сараджоглу в беседе с американским дипломатом 15 января 1941 г. заявил, что “Турция имеет полное основание рассчитывать на помощь России”, а 8 января 1941 г. турецкий посол в Лондоне Т.Р.Арас через болгарского дипломата довел до сведения германского министерства иностранных дел, что “в Анкаре уверены в том, что Россия готова помочь Болгарии и Турции в случае насильственного германского нападения на них”. По мнению историка П.П. Моисеева, эти надежды турок на советскую поддержку не были беспочвенными, поскольку между СССР и Турцией действовал договор о дружбе и нейтралитете 1925 г., срок действия которого в 1935 г. был продлен на 10 лет¹⁴. Однако советско-турецкий договор о нейтралитете не предусматривал оказания военной или иной помощи. По мнению некоторых турецких авторов, переговоры Советского Союза с Болгарией по поводу заключения соглашения о взаимной помощи свидетельствовали, что СССР считал советско-турецкий договор прекратившим свое действие¹⁵. Кроме того, советское правительство ранее заявляло, что оно не связано какими-либо обязательствами по отношению к Турции. Таким образом, уверенность Турции в том, что СССР ей поможет, была, скорее всего, показной, направленной на то, чтобы противодействовать давлению со стороны Германии.

Для того чтобы “устранить беспокойство Болгарии, предполагавшей, что меры турецкого правительства по укреплению зоны проливов (там был увеличен контингент войск и численность артиллерии, введено патрулирование Босфора и Дарданелл) направлены против нее”¹⁶, 17 февраля Турцией и Болгарией была подписана декларация о дружбе, по которой Турция обязалась не нападать на Болгарию, а Болгария обязалась не нападать на Турцию. В преамбуле указывалось, что декларация не затрагивает обязательств обеих сторон в отношении третьих стран. Из смысла содержания декларации следовало, что Турция будет защищаться только в том случае, если она подвергнется нападению, таким образом, Турция не будет противиться проходу германских войск через Болгарию. Как заявил болгарский посланник в Германии Драганов, именно в этом и заключался смысл болгаро-турецкой декларации¹⁷.

Вскоре посол Турецкой Республики в СССР Актай спросил замнаркома Вышинского, как он оценивает болгаро-турецкую декларацию. Вышинский сказал, что для него “представляется трудным дать оценку, зная об этой декларации только по тексту, опубликованному в печати”. Он также отметил, что “в международных делах нужно судить о декларациях по последствиям”. Замнаркома добавил, что политика СССР остается неизменной, и “Советский Союз всегда сумеет защитить свои интересы”. На встречный

¹¹ Там же. С. 258 – 259.

¹² ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 328.

¹³ Там же. С. 356.

¹⁴ СССР и Турция, 1917 – 1979. М.: Наука, 1981. С. 166.

¹⁵ Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri (1920 – 1953). Ankara: Tirk Tarih Kurumu Basımevi, 1991. S. 236.

¹⁶ Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt: 1 (1919 – 1973). Ankara: Ankara Siyasal Bilgileri Fakültesi Yayınları, 1982. S. 159.

¹⁷ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 401.

вопрос Вышинского, как относится Англия к турецко-болгарской декларации, Актай сказал, что Англия была осведомлена о декларации и дала свое согласие.¹⁸

Подписывая декларацию с Болгарией, турецкое правительство рассчитывало, что Берлин ответит на невмешательство Турции в балканские события предоставлением гарантий ненападения на нее. Конечно, это не снимало полностью угрозы германского удара по Турции в будущем. В феврале 1941 г. ОКВ разработало план операции против Турции, цель которого состояла в том, чтобы выбросить турецкие войска из Европы и овладеть Босфором¹⁹.

В этих условиях в Лондоне большое значение придавали отношениям между Советским Союзом и Турцией, т. к. позиция Анкары во многом зависела от советской политики. В начале января 1941 г. в сводке Отдела политической разведки Форин Оффиса отмечалось, что турки постепенно восстанавливают свои прежние отношения с Москвой²⁰. Британская дипломатия прилагала усилия, чтобы способствовать этому процессу. 29 января 1941 г. английский министр иностранных дел Иден задал полномочному представителю СССР в Великобритании Майскому вопрос: “может ли Турция в случае какой-либо опасности быть уверена, что ей не грозят никакие неприятные сюрпризы со стороны СССР”. Майский ответил: “наши отношения с Турцией носят дружественный характер и мы не собираемся менять этого характера”. Иден выслушал ответ “с видимым облегчением” и сказал: “Если бы Турция подверглась нападению (фашистских держав – Н.Г.), моим желанием было бы, чтобы СССР в отношении Турции практиковал ту же политику невмешательства, какую он практиковал в отношении Испании”. Майский ответил, что “сейчас трудно сказать, какую позицию заняло бы советское правительство в том гипотетическом случае”, т. к. это зависит от многих обстоятельств, которые заранее трудно учесть²¹.

В то же время в Лондоне считали, что, наряду с германской угрозой, почву для опасений в Турции представляет и СССР. По мнению англичан, вместо некогда дружественных отношений с Советским Союзом в последнее время Турция столкнулась с уклончивым отношением Москвы²².

Позиция, занятая Турцией зимой 1941 г., вызвала большую тревогу в Англии. Лондон опасался дальнейшей эволюции турецкого внешнеполитического курса в сторону Германии. В конце февраля в Анкару для зондирования позиции своего союзника прибыли английский министр иностранных дел А.Иден и начальник имперского генерального штаба Д.Дилл. По словам посла Великобритании в Турции Нэтчбулл-Хьюджессена, основной целью их визита было выяснить, какая из стран станет очередным объектом германской атаки – Греция или Турция. В условиях нарастания военного присутствия Германии на Балканах, с одной стороны, и ухудшения позиций Италии в Албании и Северной Греции, с другой, было очевидно, что новый удар Германии неизбежен. Английское руководство должно было срочно принять решение, кто из союзников Великобритании был в большей опасности, т. к. у нее не было достаточно сил, чтобы содействовать обороне обеих стран. Хотя полной уверенности не было, все указывало на то, что в большей степени под угрозой находилась Греция. Поэтому англичане стремились получить согласие Турции на переброску своих войск в Грецию, а не в Турцию. Турецкое правительство не было до конца убеждено в том, что Турции ничего не угрожает, но согласилось с тем, чтобы английские войска были направлены в Грецию. Поскольку Великобритания одновременно с отправкой своих войск в Грецию не смогла бы предоставить военную помощь Турции, она не просила Анкару начинать какие-либо военные действия в качестве своего союзника. Турки подтвердили, что сохраняют союз с Лондоном, и будут сражаться, если подвергнутся нападению или когда придет соответствующее время. Несмотря на то, что совместные военные действия с Турцией весной 1941 г. были исключены, англичане надеялись, что если Анкара будет проводить твердую политическую и дипломатическую линию, это сможет дать определенный эффект²³.

Во время пребывания в Анкаре Иден 28 февраля встретился с полпредом СССР Виноградовым и сказал, что доволен результатами бесед с руководителями Турции и хотел бы надеяться, что советское правительство также будет разделять удовлетворение позицией Турции. Виноградов ответил, что ему “трудно говорить, будет или не будет разделять советское правительство ту позицию, которую займет Турция в результате переговоров, а что касается отношений СССР с Турцией, то они определяются пактом о ненападении, положения которого Советский Союз строго соблюдает”. Иден коснулся вопроса о Болгарии, сообщив, что по его сведениям немцы начали проникновение в Болгарию небольшими группами, “но в последние дни это движение как будто затормозилось”. Виноградов высказал предположение, что приезд Идена оказал влияние на положение на Балканах, содействовав некоторому успокоению. Иден

¹⁸ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 413.

¹⁹ Чемпалов И. Н. Подготовка фашистской Германии к нападению на Югославию // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. - Свердловск, 1982. С. 55.

²⁰ Public Record Office. Foreign Office. Weekly Political Intelligence summaries. Vol. 3. January – June 1941. 15977, W 53/53/50 (далее – WPIS). No. 65. P. 15.

²¹ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 372.

²² WPIS, No. 73. P. 16.

²³ Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in peace and war. L.: Murray, 1949. P. 161-162.

ответил: “Я приписываю это скорее влиянию Вашей страны, тому, что она проявила интерес к положению на Балканах”. Советский полпред отметил, что Советский Союз всегда стоял за мирные отношения на Балканах²⁴.

Однако прогнозы об улучшении ситуации на Балканах не оправдались. 1 марта 1941 г. под предлогом того, что англичане намереваются высадить свои войска в Греции, Германия ввела войска в Болгарию, присоединившуюся к Тройственному пакту, заявив при этом, что это “временное мероприятие” не направлено против Турции²⁵. После этого Папен вручил туркам заверение о ненападении и о том, что германские войска останутся на расстоянии 60 километров от турецких границ²⁶. Но, несмотря на заключение болгаро-турецкого соглашения о ненападении, в начале марта 1941 г. оставалось неясно, в каком направлении будет развиваться гитлеровская агрессия: в сторону Греции или также в сторону Турции и Ближнего Востока. 3 – 4 марта верховное командование вермахта рассматривало вопрос о подготовке возможной операции против Турции и дальнейшем продвижении на Ближний Восток²⁷.

В такой ситуации позиция Турции приобретала ключевое значение. 2 марта 1941 г. Виноградов встретился с находившимся тогда в Анкаре послом Великобритании в СССР Стаффордом Криппсом и послом Великобритании в Турции Нэтчуллу-Хьюджессеном. Хьюджессен, заявив, что сохранение мира на Балканах зависит и от Советского Союза, высказал предположение, что если бы турки получили заверения со стороны СССР, что он ничего не будет предпринимать против Турции, то они спокойно могли бы перебросить все свои войска во Фракию для противодействия германской угрозе. Такое заверение со стороны СССР было бы тем более важным в свете того, что, как сообщил Виноградову Криппс, немецкая пропаганда все время усиленно доказывала туркам о наличии определенной угрозы со стороны СССР²⁸. Позднее, уже вернувшись в Москву, Криппс сказал Молотову, что турецкий посол в Берлине был информирован ответственным лицом из германского министерства иностранных дел о том, что если возникнет война между Турцией и Германией, то Турции придется иметь дело не только с германской, но и с русской армией, в частности на Кавказе²⁹. Однако и сами англичане способствовали распространению таких слухов. Так, в письме Черчилля говорилось, что когда Германия полностью займет Болгарию, она может напасть на Турцию, и тогда Россия, воспользовавшись этим положением, оккупирует Турцию и разделит страну, как Польшу³⁰.

Виноградов на вопрос Криппса и Хьюджессена о состоянии советско-турецких отношений ответил, что “неоднократно слышал от турецких руководителей то, что они уверены в дружеском отношении нашей страны к Турции ... и никогда не слышал от турок о том, что они хотят получить какие-то заверения с нашей стороны”³¹.

В беседе с полпредом СССР английские представители отметили, что турецкое правительство так и не получило ответа Москвы на свое желание расширить советско-турецкие отношения и на предложение начать переговоры по этому поводу. Криппс предположил, что это недоразумение можно было бы устранить, если сказать турецкому правительству, что советское правительство ждет от него конкретных предложений. В свою очередь Виноградов неоднократно повторил, что все зависит от турецкого правительства, поскольку в отличие от Турции, со стороны которой имели место некоторые недружественные факты в прошлом году, Советский Союз ничего не делал, чтобы ухудшить свои отношения с Турцией³².

В беседе с Вышинским 6 марта 1941 г. Криппс предложил свое посредничество в деле улучшения советско-турецких отношений. По мнению посла, “большая откровенность” в отношениях между СССР и Турцией “дала бы Турции новые силы” в выполнении задачи предотвращения дальнейшего распространения войны на Балканах, особенно учитывая стремление Германии распространить свое влияние на Турцию. Он спросил Вышинского, может ли он через английского посла в Анкаре сообщить Сараджоглу, что советское правительство ожидает конкретных предложений от турецкого правительства относительно дальнейшего укрепления и расширения отношений между СССР и Турцией. Вышинский ответил, что доложит запрос своему правительству и после получения соответствующих инструкций сформирует Криппса³³.

²⁴ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 1. С. 429.

²⁵ Там же. С. 443.

²⁶ Папен Ф. Вице-канцлер Третьего рейха. Воспоминания политического деятеля гитлеровской Германии. 1933-1947. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 462.

²⁷ Грак В.Н. Политика Германии на Ближнем Востоке (декабрь 1940 – апрель 1941 г.)// Международные отношения в новейшее время. Свердловск, 1972. С. 166 – 167.

²⁸ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 445.

²⁹ Там же. С. 453.

³⁰ Olaylarla... S. 161.

³¹ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 445.

³² Там же. С. 445 - 446.

³³ Там же. С. 453, 456.

Советский Союз не мог оставить без внимания информацию англичан о том, что в Турции распространяются слухи об угрозе со стороны СССР. Советское правительство в лице замнаркома Вышинского 9 марта 1941 г. вручило послу Турции в Москве Актаю заявление, в котором говорилось, что версия английского посла Криппса о том, что если Турция подвергнется нападению какой-либо иностранной державы, Советский Союз воспользуется этим и, в свою очередь нападет на нее, “совершенно не соответствует позиции Советского Правительства и что, наоборот, если Турция действительно подвергнется нападению со стороны какой-либо иностранной державы и будет вынуждена с оружием в руках защищать неприкосновенность своей территории, то Турция, опираясь на существующий между нею и СССР пакт о ненападении, может рассчитывать на полное понимание и нейтралитет Советского Союза”³⁴.

Ознакомившись с текстом этой декларации, Актай сказал, что она “укрепит моральное состояние турецкого правительства... что эта декларация отвечает чувствам, которые турецкое правительство питало и питает к советскому правительству”. Посол Турции также “счел нужным сказать, что его правительство не имело никаких сомнений в том, что Советский Союз не нападет на Турцию, если последняя подвергнется нападению какой-либо державы. То, что говорил Криппс, по-видимому, относится к его личным впечатлениям”. Актай отметил, что в позиции Советского Союза турецкое правительство не сомневалось, но молчание Советского Союза давало повод для разных догадок и опасений. Вышинский сказал, что вышеуказанное заявление отвечает советско-турецкому пакту о ненападении, который советская сторона в точности выполняла и будет выполнять впредь, и что оно достаточно для того, чтобы рассеять эти опасения. В заключение беседы Актай сказал, что он “считает сегодняшнее заявление началом новой эры в отношениях между СССР и Турцией”³⁵.

Следует отметить, что в марте 1941 г. Германия также дала свои заверения Турции. Как сообщил Вышинскому Криппс, в письме Гитлера Исмету Иненю “выражалось намерение обеспечить независимость и неприкосновенность турецкой территории”, а в конце письма “содержался неопределенный намек на удовлетворение в будущем турецких притязаний (при поддержке Германии – Н.Г.)”³⁶. Турецкое правительство ответило Гитлеру письмом, в котором выразило желание сохранять свой нейтралитет и в дальнейшем³⁷. В свою очередь Гитлер сообщил турецкому послу о сохраняющихся советских притязаниях в районе проливов, чтобы поддержать опасения, которые испытывала Турция по отношению к Советскому Союзу и, таким образом, отдалить ее от СССР, поскольку Германии была необходима, по крайней мере, нейтральная позиция Турции во время войны, которую в Берлине планировали вскоре начать против Советского Союза³⁸.

15 марта посол Турции Актай передал ответ турецкого правительства на заявление, сделанное Вышинским 9 марта. В ответе говорилось, что правительство Турецкой республики “с огромным удовлетворением ознакомилось с заявлением, сделанным турецкому послу в Москве заместителем Народного комиссара г-ном Вышинским от имени Председателя Совета Народных Комиссаров и Комиссара иностранных дел СССР. Выражая свою самую искреннюю признательность за этот знак симпатии и доверия, выраженный Председателем Совета Народных Комиссаров, Комиссаром иностранных дел дружественной страны, Председатель Совета Министров и Министр иностранных дел Турции, принявшие к сведению эти заверения, хотят заявить в свою очередь, что заверения, данные Турции, будут применены пунктуально к позиции Турции в отношении СССР, если соседняя и дружественная страна оказалась бы перед ситуацией, подобной той, которая охарактеризована в декларации, переданной г-ном Вышинским”³⁹. 25 марта 1941 г. сообщение об обмене декларациями между советским и турецким правительствами было опубликовано в печати обеих стран. Анкарская газета “Улус” характеризовала советско-турецкий обмен заявлениями как проявление благоразумия и возрождения той атмосферы, которая имеет важное значение для поддержания дружественных отношений между обеими странами”⁴⁰.

Турецкий историк К. Гюрюн связывает обмен декларациями со сложной обстановкой, которая сложилась в тот момент на Балканах: Советскому Союзу не удалось предотвратить присоединение Болгарии и Югославии к Тройственному пакту фашистских держав. Только после этого “Россия почувствовала, что необходимо заинтересоваться Турцией”⁴¹, и была опубликована совместная декларация. Другой турецкий исследователь А.Ш. Эсмер, касаясь причин этого акта, пишет, что Советский Союз был обеспокоен деятельностью Германии на Балканах и осознал, что распространяемые гитлеровцами слухи о том, что Турция будет разделена, как Польша, – это начало психологической войны, цель которой – сломить

³⁴ Там же. С. 465.

³⁵ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 464.

³⁶ Там же. С. 468.

³⁷ Там же. С. 480.

³⁸ Olaylarla... S. 161.

³⁹ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 482.

⁴⁰ Черников И.Ф. В интересах мира и добрососедства: (О советско-турецких отношениях в 1935-1970 гг.). Киев: Наукова думка, 1977. С. 74.

⁴¹ Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri. S. 237.

сопротивление Турции перед Германией. Турецкое правительство, в свою очередь, стремилось создать противовес деятельности Германии на Балканах⁴². Как пишет А. Кылыч, СССР также рассматривал Анкару как возможный противовес германскому вторжению на Балканы, и поэтому пошел на сближение с ней⁴³. По мнению И.Сойсала, изменение позиции Советского Союза по отношению к Турции было вызвано обеспокоенностью Москвы тем, что после оккупации Германией Балкан проливы также могут перейти под германский контроль. Для Турции же важно было сохранить доверие в отношениях с СССР, поскольку турецкое правительство опасалось нападения как со стороны Германии, так и со стороны Советского Союза, который по-прежнему имел договоры о ненападении и дружбе с Германией⁴⁴.

Ирландский исследователь Дж. Робертс подчеркивает, что путь к подписанию советско-турецкой декларации был проложен усилиями Криппса, который надеялся, что эта акция станет началом англо-советского сближения. Однако эта “полезная инициатива Великобритании”, как отмечает Робертс, не оказала значительного влияния на отношения Англии и СССР⁴⁵.

В работах некоторых советских историков подчеркивалось важное политическое значение обмена заявлениями между правительствами СССР и Турции, поскольку это нанесло “ощутимый удар по различного рода клеветникам и фальсификаторам советской внешней политики в отношении Турции”. По мнению Черникова, “эта акция свидетельствовала также, что советско-турецкий договор о дружбе и нейтралитете от 17 декабря 1925 г. остается в силе”⁴⁶.

Примечательна была реакция Германии на обмен декларациями между СССР и Турцией. Германский посол Папен пришел к Виноградову, чтобы поздравить его с “прекрасным актом”. Он заявил: “Я считаю, что советско-турецкая декларация является очень хорошим делом. Подобный акт всегда является ценным вкладом в отношения между двумя странами. Я тем более приветствую ее, что наша политика всегда сводилась к ограничению фронта войны”. Папен выразил надежду, что советское правительство, делая такую декларацию, не думало, что Германия собирается напасть на Турцию. Он еще раз заявил, что Германия не имеет никаких агрессивных намерений против Турции⁴⁷.

Вопреки заявлению Папена о стремлении ограничить фронт войны, Германия продолжила экспансию в Европе. 25 марта 1941 г., уступив давлению германского правительства, протокол о присоединении к Тройственному пакту подписал югославское правительство Д. Цветковича. Однако в Югославии поднялась волна протеста. Группа офицеров 27 марта совершила государственный переворот. Правительство Цветковича было арестовано, новое правительство возглавил командующий военно-воздушными силами генерал Д. Симович. Узнав об этом, Гитлер издал директиву о подготовке военного вторжения в Югославию. 6 апреля 1941 г. началось германское вторжение на Балканы, Германия напала на Югославию и Грецию. Характеризуя реакцию турецкого правительства на вторжение немцев в Югославию и Грецию, Й. Геббельс записал в своем дневнике: “Сообщение из Турции: дрожь в коленках”⁴⁸. Усилия гитлеровской дипломатии были направлены на то, чтобы предотвратить возможность вступления Турции в войну на стороне Англии, Греции и Югославии. 6 апреля германский посол Папен заявил министру иностранных дел Турции Сараджоглу, что Германия будет “абсолютно уважать турецкую границу” и что после завершения военных действий в Югославии и изгнания англичан из Греции немецкие войска будут выведены с Балкан. В своем донесении в Берлин от 8 апреля Папен указал, что если Германия после окончания военных действий на Балканах попытается установить свой контроль над Проливами, то это может побудить Турцию пойти на сближение с Советским Союзом. Чтобы избежать этого, Папен предложил заключить с Турцией двустороннее соглашение, в котором Германия должна дать обязательство от имени держав “оси” не предъявлять Турции в течение войны и после нее каких-либо требований, которые затрагивали бы ее независимость или противоречили ее обязательствам в отношении Англии⁴⁹. С 6 по 10 апреля позиция Турции оставалась неопределенной. Наконец, 11 апреля Сараджоглу заявил, что Турция не желает вмешиваться в войну, но турки очень нервничают, так как опасаются, что могут подвергнуться нападению или что им будут предъявлены со стороны Германии неприемлемые требования. В то же время Германия продолжила оказывать нажим на Турцию: по словам военного атташе в Румынии полковника Севена, Папен в Анкаре “развил бешеную деятельность, чтобы привлечь Турцию в “объятия”

⁴² Olaylarla... S. 161 – 162.

⁴³ Kılıç A. Turkey and the world. W., 1959. P. 87.

⁴⁴ Soysal İ. Tarihçeleri ve Açıklamaları ile Birlikte Türkiye'nin Siyasal Andlaşmaları. 1. cilt (1920 - 1945) Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1989. S. 634.

⁴⁵ Робертс Дж. Черчилль и Сталин. Эпизоды англо-советских отношений (сентябрь 1939 – июнь 1941 года) // Война и политика, 1939-1941. М.: Наука, 1999. С. 150.

⁴⁶ Черников И.Ф. В интересах мира и добрососедства. С. 74.

⁴⁷ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 505 – 506.

⁴⁸ Дневники Йозефа Геббельса. 1940-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 210.

⁴⁹ Чемпалов И. Н. Немецко-фашистская агрессия против Югославии 6 - 17 апреля 1941 г. // Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке в новейшее время. Свердловск, 1983. С. 126.

Германии»⁵⁰.

В апреле 1941 г. после военного разгрома Югославии и Греции решимость Турции сопротивляться Германии была в значительной мере ослаблена. Стало очевидно, что Турция не выступит против Германии. Продолжавший выполнять свои обязанности югославский посланник в Румынии Авакумович сообщил, что Антонеску еще 22 февраля 1941 г. заметил в разговоре с ним, что «Турция все больше и больше начинает понимать выгоды сотрудничества с Германией и начинает видеть, что перед угрозой со стороны СССР единственную поддержку она может получить только от Германии». Поэтому Авакумович полагал, что СССР нужно быть настороже по отношению к Турции⁵¹.

Английское правительство продолжало подталкивать Советский Союз к сближению с Турцией. Министр иностранных дел Великобритании Иден, выступая с инициативой улучшения англо-советских отношений, в беседе с послом СССР в Великобритании И.М. Майским, в частности, попросил, чтобы СССР оказал Турции содействие путем снабжения ее оружием, снаряжением и т. д., поскольку у Турции в этой области чувствуется большая нехватка, а Англия пока не в состоянии выделить для нее сколько-нибудь значительного количества военных материалов. Иден отметил, что своевременная помощь Турции военными материалами могла бы оказать серьезное влияние на ход событий на Ближнем Востоке⁵².

Посол Великобритании в Турции Нэтчбулл-Хьюджессен 3 мая 1941 г. в беседе с Виноградовым выразил надежду на то, что Советский Союз разрешит провоз всех через свою территорию товаров, закупленных Турцией в Швеции. Он также спросил, не мог бы СССР проявить инициативу, предложив Турции купить нефть и другие необходимые ей товары. Виноградов ограничился указанием, что «в нашей стране не имеется избытков нефти, так как мы сами имеем большие потребности в ней»⁵³.

В апреле 1941 г. в кругах турецких дипломатов Турции стало складываться мнение, что наступит очередь Турции быть новой жертвой немецкой агрессии, а за ней последует Советский Союз. Посол Турции в Афганистане Эсендаль заявил полпреду СССР, что если немцы бросят свою армию для вторжения в Турцию, то она не сможет долго сопротивляться и вынуждена будет капитулировать, и если турки от кого и ждут существенной помощи в случае военного нападения Германии, то только от Советского Союза. Впрочем, советский полпред в Афганистане отмечает, что турецкому послу не стоит верить на слово⁵⁴. С точки зрения первого секретаря турецкой миссии в Румынии Нурельджина, последовательность действий немцев могла быть такова: 1) Босфор и Дарданеллы; 2) Мосульская нефть (т. е. Ирак – Н.Г.) и уже потом война с СССР. В беседе с полпредом СССР он также сказал, что не верит в поддержку англичан и американцев, и с сожалением вспомнил о том, что между СССР и Турцией нет пакта о взаимопомощи⁵⁵. В конце апреля турецкая газета «Икдам» выступила с призывом к тесному сотрудничеству между Анкарой и Москвой, особенно с целью поддержания статус-кво в проливах.⁵⁶

Действительно, весной 1941 г. существовала наиболее реальная опасность фашистского нападения на Турцию. По авторитетному свидетельству гитлеровских дипломатов Хасселя и фон Папена, Риббентроп настойчиво предлагал Гитлеру после захвата Греции и Югославии перенести военные действия на турецкую территорию. Именно это имел в виду Л.Мойзиш (один из сотрудников германского посла Папена), когда писал, что одно время угроза вторжения немецких войск в Турцию «была вполне реальной». Он же отметил, что в Германии был даже отпечатан «Путеводитель по Турции для немецкого солдата». По словам Мойзиша, «подобные книги со стереотипными фразами были изданы для немецких войск перед вторжением в Норвегию, Голландию, Францию, Югославию и другие страны»⁵⁷.

В мае 1941 г. положение Турции стало еще более затруднительным. В апреле 1941 г. в Ираке был совершен государственный антибританский переворот. 2 мая 1941 г. начался англо-иракский вооруженный конфликт. 4 мая Турция предложила свои посреднические услуги по урегулированию англо-иракского конфликта, однако 6 мая Иден поставил предварительные условия, и посредничество не состоялось⁵⁸. Кроме того, немцы оккупировали все греческие острова в Эгейском море, контролирующие вход в проливы. Первый секретарь миссии Турции в Румынии Нурельджин 7 мая 1941 г. в беседе с полпредом СССР С.С. Михайловым высказал предположение, что немцы в скором времени покончат с англичанами в районе Средиземного моря, выведя из строя английский флот, захватят Египет и Суэцкий канал, и тогда возьмутся за Турцию, которая, находясь в таком безвыходном положении, окажется вынужденной уступить немцам без единого выстрела. При этом Нурельджин добавил: «После этого немцам

⁵⁰ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 571.

⁵¹ Там же. С. 606.

⁵² Там же. С. 582.

⁵³ Там же. С. 644.

⁵⁴ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 589.

⁵⁵ Там же. С. 615.

⁵⁶ WPIS, No. 82. P. 15.

⁵⁷ Новейшая история Турции. С. 182.

⁵⁸ Мирский Г.И. Ирак в смутное время. 1930-1941. М.: Издательство восточной литературы, 1961. С. 162.

нужно будет воевать в СССР, для чего они уже, по слухам, готовятся”⁵⁹.

Однако Сталин, чьи подозрения относительно попыток англичан заключить соглашение с Берлином и вовлечь Советский Союз в войну с Германией еще больше возросли в связи с перелетом заместителя Гитлера Р. Гесса в Великобританию 10 мая 1941 г., стремился отвести удар Германии от СССР, направив гитлеровскую агрессию на Ближний Восток. Подтверждением этих планов служит тот факт, что 12 мая СССР признал новое, прогерманское правительство Ирака Рашида Али аль-Гайлани, против которого Англия в этот момент уже вела войну. Признание Советским Союзом прогерманского правительства в Ираке произвело шокирующее впечатление на турок. Посол Турции в Москве Актай писал в Анкару, что, по его мнению, “Сталин стал слепым орудием Германии”⁶⁰. Следовательно, ожидать, что СССР окажет Турции поддержку в сопротивлении гитлеровской агрессии, было абсолютно нереально. Поэтому, несмотря на опасность подвергнуться нападению, турки, как отмечали англичане, продолжали воздерживаться даже от формальных инициатив по отношению к Москве, аргументируя это тем, что они уже получили отпор в декабре 1940 г., и что соглашение с Советами относительно германской угрозы только вовлечет их в обязательства без какой-либо вероятности того, что Москва даст им соответствующие обещания⁶¹. Действительно, Сталин не хотел, чтобы турки обратились к нему за поддержкой, т.к. он не хотел провоцировать Германию. Возможно, если бы турки попросили помощи, Сталин бы отказал (и турки догадывались об этом). Вышеупомянутый обмен декларациями в той ситуации был максимумом возможного для обеих сторон – Турции и СССР.

В условиях расширения гитлеровской агрессии 14 мая 1941 г. президент Турции И. Иненю заявил о готовности страны не вступать в конфликты с Германией. В середине мая Германия возобновила переговоры с Турцией о заключении договора. При этом германские руководители продолжали оказывать давление на турок, используя в этой связи “советский фактор”. Посол СССР в Германии Деканозов сообщил 4 июня 1941 г., что параллельно со слухами о близости войны между Германией и Советским Союзом в Германии стали распространяться слухи о дальнейшем сближении Германии и СССР либо на базе далеко идущих “уступок” со стороны Советского Союза в пользу Германии, либо на основе “раздела сфер влияния” и добровольного отказа СССР от вмешательства в дела Европы⁶². “В дипломатических кругах Анкары, - писала швейцарская газета “Нойе цюрхер цайтунг” 19 мая, - ожидают тесного сотрудничества между Германией и Россией, которое будет иметь огромное значение. Говорят даже о возможности транзита немецких войск из черноморских портов через Батуми, Тебриз в направлении к Ираку. Эта новая комбинация является дипломатическим контрударом по вполне оформившемуся блоку англосаксонских держав”⁶³. Под всем этим были определенные основания, учитывая, что по свидетельству С.М. Штеменко осенью 1940 г. и зимой 1941 г. был тщательно изучен Ближневосточный театр, а в мае 1941 г. в Закавказском и Среднеазиатском военных округах проводились командно-штабные учения⁶⁴. Тем временем 31 мая 1941 г. английские войска взяли Багдад и свергли режим Рашида Али аль-Гайлани, признанный Сталиным.

7 июня 1941 г. посол Турции в Германии Гереде попытался выяснить у Деканозова, насколько соответствовали действительности слухи относительно советско-германских отношений. По словам Гереде, “одни говорят, что между СССР и Германией ведутся переговоры о каком-то большом соглашении, по которому Украина и Кавказ отдаются немцам в аренду, другие, наоборот, указывают на то, что под прикрытием этих слухов немцы готовят нападение на Советский Союз”. Деканозов “высмеял первую группу слухов” и сказал, что “СССР не удастся запугать”. В свою очередь советский посол спросил Гереде, насколько справедливы слухи о якобы ведущихся переговорах между Турцией и Германией, о том, что будто бы Турция получит часть Фракии, что Турции предлагают также Сирию. Гереде ответил, что переговоры ведутся лишь по поводу постройки железнодорожного моста через реку Марицу⁶⁵.

По мнению советских историков, не поставив Советский Союз в известность о германо-турецких переговорах, турецкое правительство нарушило свои договорные обязательства (протокол 1929 г.)⁶⁶. Турецкий историк Гюрюн объясняет это тем, что Германии не было в числе стран, о своих политических переговорах с которыми Турция была обязана сообщать России⁶⁷. Действительно, в приложении к данному протоколу были перечислены соседние с Советским Союзом и с Турцией страны, и Германия в число стран, граничащих с СССР или Турцией, в отличие от Англии, не была включена. Принимая это во

⁵⁹ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 660.

⁶⁰ Цит. по: Семиряга М.И. Советско-германские отношения (сентябрь 1939 – июнь 1941 г.) // Советская внешняя политика 1917-1945. Поиски новых подходов. М.: Международные отношения, 1992. С. 215.

⁶¹ WPIS, No. 87. P. 16.

⁶² ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 715.

⁶³ Там же. С. 716-718.

⁶⁴ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 1. М., 1985. С. 18-19.

⁶⁵ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 732.

⁶⁶ Новейшая история Турции. М.: Наука, 1968. С. 184.

⁶⁷ Gürün K. Türk-Sovyet İlişkileri. S. 238.

внимание, следует отметить, что с формальной точки зрения Турция не нарушила свои обязательства по отношению к Советскому Союзу. Таким образом, советские авторы фактически искажали смысл взаимных обязательств по протоколу 1929 г., необоснованно привязывая к ним Германию.

В то же время своего союзника Англию Турция поставила в известность о переговорах с Германией и обсуждала с ней ответы, которые собиралась давать Германии. Английский посол в Анкаре Нэтчбулл-Хьюджессен признает, что турецкому правительству было необходимо выиграть время, поскольку страна к тому моменту была отрезана от своих союзников и находилась в окружении врагов. Турки не скрывали от Хьюджессена своего намерения обезопасить себя в отношении Германии. Англичане предпочли, чтобы переговоры проходили с их ведома; таким образом они могли выражать свое мнение относительно того, на какие уступки можно пойти, а что нанесло бы интересам союзников непоправимый ущерб⁶⁸. Англичане не возражали против подписания германо-турецкого договора при условии, что Турция должна сопротивляться германскому требованию о пропуске войск на Ближний и Средний Восток⁶⁹. По оценке Й. Геббельса, еще 16 июня 1941 г. в Анкаре продолжали колебаться. Но по мнению Геббельса, "говорить, что в случае конфликта (между Германией и СССР – Н.Г.) там встанут на сторону России, столь абсурдно, что даже не заслуживает возражения. Мы не удостаиваем такую чушь вниманием, хотя это и идет нам на пользу"⁷⁰.

В июне в Анкаре вновь распространились слухи о том, что во время берлинских бесед Молотов выдвигал требование о предоставлении СССР воздушных и морских баз в Проливах и о передаче Болгарии части турецкой Фракии. Корреспондент агентства Рейтер Уоллис в беседе с первым секретарем посольства СССР в Турции А.К. Жегаловой 20 июня 1941 г. заметил, что турки принимают деятельное участие в распространении этих слухов, и выразил мнение, что они хотят подобным образом найти дополнительное оправдание заключению своего пакта с немцами⁷¹.

19 июня 1941 г. Актай сообщил Молотову, что 18 июня Турция подписала договор о дружбе и ненападении с Германией. Посол сделал по этому поводу официальное сообщение: "По новому договору Турция и Германия обязуются уважать целостность и неприкосновенность их территорий и не принимать никаких мер, которые были бы прямо или косвенно направлены против другой стороны. Германия и Турция обязуются поддерживать в будущем дружественный контакт для того, чтобы обеспечить взаимное согласие в разрешении вопросов, касающихся интересов обеих стран". Посол заявил, что Турция будет по-прежнему придерживаться политики нейтралитета. Она будет всегда отвергать любую агрессию и любые попытки вмешательства в независимость ее действий. Турция продолжает оставаться союзницей Англии и не предпримет никаких действий, направленных против Англии⁷².

Актай заявил, что никаких изменений в отношении Турции с другими странами этот договор не вносит. Его задачей является обеспечение мира и спокойствия для Турции. Турция будет сохранять нейтралитет в отношениях со всеми своими соседями. Посол выразил надежду на то, что Молотов учитывает, что положение Турции в последнее время было затруднительным: она была окружена со всех сторон огнем. Теперь, после подписания пакта, Турция надеется сохранить нынешнее положение мира и спокойствия в стране. Актай спросил, можно ли считать, что заключение договора произвело хорошее впечатление на соседние с Турцией страны. В полном соответствии с курсом, определявшимся советско-германским договором о ненападении, Молотов ответил, что он разделяет такое мнение, и сказал, что, по его мнению, договор должен быть встречен положительно, поскольку он обеспечивает мир и спокойствие в Турции⁷³.

Текст договора содержал оговорку о сохранении существующих обязательств Турции, что, по мнению Хьюджессена, свидетельствовало о том, что приоритет оставался за англо-турецким союзом. Посол Великобритании отмечает, что при заключении договора с Германией турки руководствовались исключительно прагматическими соображениями⁷⁴. В Турции считали, что подписание германо-турецкого пакта означало, что Германия, по крайней мере, отложила на время нападение на Турцию, а выигранное время было необходимо использовать для укрепления собственной безопасности Турции и возможности оказания помощи ее союзникам⁷⁵. Следует отметить, что такая оценка созвучна той, которую при Сталине давали советско-германскому пакту о ненападении.

В сводке английской политической разведки отмечалось, что одним из решающих факторов, влиявших на турецкую политику в то время, было сохранявшееся недоверие к Москве и опасение, что СССР

⁶⁸ Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in peace and war. P. 170.

⁶⁹ Новейшая история Турции. С. 184.

⁷⁰ Дневники Йозефа Геббельса. 1940-1941 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 221.

⁷¹ ДВП. Т. 23, кн. 2, ч. 2. С. 749.

⁷² Там же. С. 748.

⁷³ Там же. С. 748.

⁷⁴ Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in peace and war. P. 170.

⁷⁵ Olaylarla ... S. 164.

может заключить с Германией сделку за счет Турции⁷⁶. По словам Хьюджессена, посол Германии Папен в ходе переговоров оказывал давление на турок, внушая им, что если Турция не заключит договор, она может подвергнуться нападению. Кроме того, - пишет британский посол, - "фон Папен пытался воспользоваться ситуацией, намекнув таким образом, чтобы этот намек дошел до меня, что сейчас для Великобритании была прекрасная возможность переметнуться в лагерь противника и объединиться с Германией, чтобы уничтожить Россию"⁷⁷.

С помощью пакта о ненападении с Турцией Германия обеспечила свой правый фланг в войне с Советским Союзом, которую она и развязала 22 июня 1941 г. Эсмер пишет, что когда немецкие войска перешли советскую границу, Турция почувствовала облегчение. "Изменение хода войны сняло большой груз с плеч турецкой дипломатии. С началом войны (в 1939 г. - Н.Г.) то Германия, то Россия, то оба государства сразу представляли опасность для Турции. Сейчас, когда они вступили в войну друг с другом, опасность исчезла. В этой ситуации Турция официально сообщила обеим странам о своем нейтралитете"⁷⁸.

Однако Р. С. Корхмазян утверждает, "договор с Германией не принес и не мог принести Турции никакого радикального облегчения", т.к. "планировавшаяся Германией ближневосточная кампания, для осуществления которой она нуждалась в турецкой территории, должна была последовать немедленно после завершения войны с Советским Союзом"⁷⁹. Действительно, 19 июня 1941 г., т.е. на другой день после подписания германо-турецкого договора о ненападении, была утверждена директива № 32, проект которой был готов еще 11 июня 1941 г. Директива гласила: "После разгрома вооруженных сил Советской России..., исходя из обстановки, которая должны сложиться в результате победоносного завершения похода на Восток, перед вооруженными силами могут быть поставлены на конец осени 1941 г. и зиму 1941/42 г. следующие стратегические задачи:

...2. Продолжение борьбы против английских позиций на Средиземном море и на Ближнем Востоке **путем концентрического наступления**, которое планируется провести из Ливии через Египет, **из Болгарии через Турцию**, а также, в зависимости от обстановки, из Закавказья через Иран.

...б) Ввиду ожидаемых попыток англичан усилить свои позиции на Ближнем и Среднем Востоке для защиты Суэцкого канала необходимо наметить проведение германскими вооруженными силами операции **из Болгарии через Турцию**, чтобы нанести удар по позициям англичан в районе Суэцкого канала также с Востока.

Для этой цели следует предусмотреть, чтобы в Болгарии как можно раньше были сосредоточены войска, достаточные для того, чтобы **сделать Турцию послушной в политическом отношении или сломить ее сопротивление силой оружия**"⁸⁰.

Таким образом, опасность агрессии со стороны Германии сохранялась для Турции как после подписания германо-турецкого пакта, так и существовала бы в ситуации, если бы пакт не был подписан. Но расчет турецкой дипломатии на то, что с пактом эта опасность станет чуть меньше или, по крайней мере, отодвинется во времени, оказался верным.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. привело к значительному изменению международной обстановки, явилось началом нового этапа Второй мировой войны в целом и советско-турецких отношений в частности.

⁷⁶ WPIS, No. 90. P. 15.

⁷⁷ Knatchbull-Hugessen H. Diplomat in peace and war. P. 171.

⁷⁸ Olaylarla ... S. 165.

⁷⁹ Корхмазян Р.С. Внешняя политика Турции в годы второй мировой войны. // Проблемы истории Турции. М.: Наука, 1978. С. 144.

⁸⁰ Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т.2. М., 1973. С. 48.